

Владимир Кожевников

Садовник Теней

Владимир Кожевников

Садовник Теней

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Садовник Теней / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Однажды ноябрьским вечером десятилетний Тимофей замечает на пустыре за домом дверь, которой там никогда не было. За ней открывается сад — не просто место, а живое зеркало человеческой памяти: здесь расцветают воспоминания, из обид прорастают чёрные сорняки, а страхи обретают крылья. Встретив загадочного Садовника и девочку Лизу, Тимофей учится ухаживать за этим необычным садом, выпалывать то, что причиняет боль, и поливать то, что даёт надежду. Но саду угрожает нечто, растущее из чужих потерянных воспоминаний, и мальчику предстоит не только спасти его, но и найти путь к собственному отцу, который вернулся после долгой разлуки. «Садовник Теней» — философская сказка о том, что настоящий сад всегда внутри нас, а дверь в него открывается только тем, кто готов помнить и прощать.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. О том, как мальчик нашёл дверь в саду, которого не было	5
Глава II. О том, как сад не открывается, когда его ищешь, и о том, что растёт из обид	8
Глава III. О том, как в саду завелась птица, которой не было в природе, и о том, как она умела петь чужим голосом	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Садовник Теней

Глава I. О том, как мальчик нашёл дверь в саду, которого не было

Дверь стояла посреди пустыря. Тимофей знал это, хотя из его окна пустырь был не виден — окно выходило во двор, на детскую площадку и мусорные баки, а пустырь начинался за углом, за старой трансформаторной будкой, и тянулся до гаражей. Но сегодня, в ноябрьской мороси, он знал это с той же уверенностью, с какой знал, что мама ушла на ночную смену, а папа третий раз за месяц не вернулся из командировки, хотя обещал.

Тимофей лежал в кровати и смотрел в потолок. Запах жасмина просочился в комнату примерно час назад — сначала робко, как гость, который не уверен, что его пригласят, а потом заполнил всё: углы, занавески, коробку с конструктором, страницы так и не дочитанной книги. Запах был здесь, хотя жасмину в ноябре негде взяться, и это несоответствие пульсировало под рёбрами.

Он встал и подошёл к окну. Стекло было тёплым, хотя за ним моросил дождь. Тимофей прижал ладонь — и на запотевшем стекле остался отпечаток, вокруг которого тут же выступили капельки, но не с его стороны, а снаружи. Как будто тёплый воздух шёл от улицы.

Он оделся — не торопясь, потому что не был уверен, что стоит идти. Куртка легла на плечи тяжело. Ботинки не хотели зашнуровываться. Дверь квартиры он прикрыл тихо, но, уже стоя на лестничной клетке, вдруг вернулся, вытащил из ящика стола бабушкин фонарик — маленький, латунный, с треснувшим стеклом, — сунул в карман. Фонарик не работал уже года три, но рука сама потянулась.

Пустырь встретил его лужами и ржавыми гаражами. Дождь перестал, но туман висел низко, превращая мир в размытую акварель. И вот там, где раньше были только битый кирпич и полынь, стояла дверь.

Она была одна. Без стены, без опоры — просто дверь, деревянная, с облупившейся зелёной краской, с латунной ручкой, блестящей от влаги. Над дверью висел фонарь, и тёплый свет ложился на мокрую землю ровным кругом.

Тимофей остановился у края пустыря. Он обернулся: позади — знакомый двор, тёмные окна, качели, на которых летом разбил колено. Впереди — дверь, невозможная, как отражение луны в оконном стекле.

«Уходи», — шепнул какой-то голос внутри. Голос был похож на папин. «Не трогай. Мало ли что. Вернись домой, запишись, выпей чаю».

А другой голос — не то мамин, не то бабушкин — тихонько сказал: «А если не вернёшься? А если это важно?»

Тимофей постоял, переминаясь с ноги на ногу. Потом вытащил из кармана неработающий фонарик, зачем-то нажал кнопку.

Фонарик не загорелся. Но дверь, словно услышав щелчок, медленно приоткрылась — сама, без скрипа, как будто ждала именно этого.

Из щели пахнуло теплом, жасмином и ещё чем-то — мёдом, пылью, старыми книгами. Тимофей шагнул вперёд.

За дверью был сад. Он раскинулся на месте пустыря, но простирался куда дальше, чем позволяли бы гаражи и трансформаторная будка. Высокая трава серебрилась в невидимом свете, между травинками плавали крошечные огоньки, загоравшиеся от каждого шага. Дере-

вья с кронами-шатрами стояли в отдалении, и оттуда доносился тихий перезвон, будто где-то пили чай серебряными ложками.

По тропинке, усыпанной белыми камешками, шёл человек. Плащ его был тёмно-зелёным, мокрым, хотя дождя здесь не было. В руках он нёс лейку. Вода в лейке светилась.

— Ты всё-таки пришёл, — сказал он. Голос у него был негромкий, с трещинкой, как у человека, который много молчал. — А я уже полил на сегодня.

— Я не за этим пришёл, — сказал Тимофей, и сам удивился своим словам. Он не знал, зачем пришёл.

— Не за этим, — повторил Садовник, и на лице его появилось выражение, которое Тимофей не смог бы назвать ни улыбкой, ни грустью, а чем-то посередине. — Тогда за чем же?

Тимофей молчал. Тишина в саду стояла такая густая, что в ней слышался собственный пульс.

— Вы кто? — спросил он наконец.

— Садовник.

— А сад чей?

— Ничей. Или — чей захочешь. Он разный для всех. Тебе каким показался?

Тимофей огляделся. Теперь он заметил то, чего не видел раньше: в глубине сада, среди деревьев, стояли качели — точно такие же, как во дворе, только не ржавые, а как будто только что покрашенные. А чуть поодаль рос куст жасмина. Прямо в ноябре. Прямо на пустыре.

— Он похож на места, которые я помню, — сказал Тимофей. — Только лучше.

Садовник долго смотрел на него. Потом кивнул, как человек, который услышал пароль, но не подал виду.

— Тогда останься. Но ненадолго. Здесь нельзя долго оставаться, если не знаешь зачем.

— А вы знаете?

— Я учусь, — сказал Садовник. — Каждый день учусь. Вот, смотри.

Он наклонил лейку и выплеснул немного светящейся воды на тропинку. Там, где вода коснулась камней, из щелей пробились ростки. Они тянулись вверх, раскрывали листья — и всё это бесшумно, как во сне.

— Каждый раз, когда кто-то вспоминает, — сказал Садовник, — здесь вырастает что-то новое. Но если вспоминать неправильно, вырастают... другие вещи. Помнишь что-нибудь?

— Я помню, как пах жасмин у бабушки на даче, — сказал Тимофей. — Она умерла. Дачу продали.

Садовник опустил лейку.

— Тогда понятно, почему тебя сюда привело.

— Но здесь жасмин. Настоящий?

— Настолько, насколько ты помнишь его. А память — она как вода. Можно полить — и вырастет. Можно не полить — и высохнет.

Он протянул Тимофею лейку. Она была тяжёлая, но не от воды — от чего-то другого.

— Поливай, — сказал Садовник. — Только аккуратно. Не всё сразу.

Тимофей наклонил лейку над ближайшим ростком. Светящаяся вода капнула на лист, и росток вытянулся вверх, раскрыв цветок — белый, пятилепестковый, пахнущий жасмином. Один-единственный цветок. Потом лепестки дрогнули и осыпались, но не упали, а поплыли в воздухе и растаяли.

— Вот так, — тихо сказал Садовник. — Иногда полить — значит попрощаться.

Тимофей смотрел на пустую ветку. В груди было тесно, как будто туда вдохнули слишком много жасмина.

— А теперь иди домой, — сказал Садовник. — Дверь будет там, где ты её оставил. Но не всегда. Придёшь ещё?

Тимофей вернул лейку. Пальцы у него дрожали.

— Приду, — сказал он.

— Тогда помни: сад не любит, когда его ищут. Он любит, когда его находят.

Дверь за спиной Тимофея стояла по-прежнему, приоткрытая. Он шагнул в неё — и очутился на пустыре. Дожда не было. Туман рассеялся. Дверь исчезла.

Он достал из кармана фонарик. Нажал кнопку.

Фонарик загорелся — тусклым, тёплым светом.

Глава II. О том, как сад не открывается, когда его ищешь, и о том, что растёт из обид

Неделю Тимофей приходил на пустырь. Утром, пока туман лежал в низинах; днём, после школы; вечером, когда мама уходила на смену. Двери не было.

Пустырь был прежним: битый кирпич, полынь, ржавые гаражи. Даже луж не осталось — дождь перестал, земля подмёрзла, покрылась хрустящей коркой. Тимофей топтался на месте, где впервые увидел дверь, и смотрел на небо, как будто оно могло подсказать.

Он доставал из кармана бабушкин фонарик, нажимал кнопку. Свет горел ровно, но от этого было горше, а не легче. «Сад не любит, когда его ищут», — вспоминал он слова Садовника. Но как не искать, если хочется вернуться?

В пятницу он вернулся из школы, бросил рюкзак, прошёл на кухню. На столе лежала записка от мамы: «Буду поздно. Суп в холодильнике. Не скучай». Рядом — старая фотография, которую мама, видимо, вытащила из шкафа и забыла убрать.

На снимке бабушка стояла в саду с букетом жасмина. Молодая, смеющаяся. За её спиной — качели, тропинка, деревья. Тот самый сад.

Тимофей перевернул фотографию. На обороте бабушкиным почерком: «Когда всё пахнет жасмином».

И в этот миг запах жасмина заполнил кухню — не постепенно, а разом, как будто распахнулось окно в июль. Тимофей поднял глаза. За кухонным стеклом, выходящим на пустырь, колыхалась зелень.

Он не раздумывал. Схватил фонарик, натянул ботинки, выбежал.

Дверь стояла не посреди пустыря, а в арке между гаражами — там, где Тимофей сто раз проходил и не видел ничего, кроме мусора. Он потянул ручку.

Сад встретил его тишиной, но не той, к которой он привык. Трава под ногами была прохладной. Огоньки не вспыхивали, а гасли, когда он приближался.

— Садовник! — позвал Тимофей.

Ответа не было. Деревья стояли неподвижно. Серебристая листва потускнела. Тропинка казалась длиннее, чем в прошлый раз.

Он шёл, пока не увидел то, от чего остановился.

Среди знакомых растений — жасмина, серебристой травы — разрослось что-то чужое. Стебли чёрные, как обугленные спички, листья в форме ладоней, сжимающихся в кулаки. На концах висели тёмно-красные ягоды, блестящие, как капли смолы. Растение оплело качели — те самые, знакомые, — почти похоронив их под собой.

Рядом стоял Садовник. Без лейки. Плащ его был испачкан сажей, в руках он держал маленькие ножницы, но не резал, а смотрел.

— Вы не слышали, как я звал? — спросил Тимофей.

— Слышал, — ответил Садовник, не оборачиваясь. — Но не мог отойти. Смотри, что выросло.

— Что это?

— Это растёт из обид. Из неправильных воспоминаний. Я говорил тебе: если вспоминать неправильно, вырастают другие вещи. Вот, полюбуйся.

— Чьих обид?

— Твоих.

Тимофей отшатнулся. От сорняка пахло тройным одеколоном — как от отца, когда он уезжал в командировку. Запах был настолько явственным, что у Тимофея защемило в носу.

— Я не хотел, — прошептал он.

— Никто не хочет, — сказал Садовник. — Но оно растёт, если не замечать. А я не могу выполоть его сам. Только тот, чья обида проросла, может это сделать. Хочешь попробовать?

Он протянул ножницы. Лезвия слабо светились.

— Резать нужно не всё подряд, — продолжил Садовник. — Найди главный стебель. Тот, который ближе всех к сердцу. Остальные увянут сами.

Тимофей присел перед сорняком. Чёрные стебли переплетались, как змеи. Где-то внутри, у самой земли, пульсировало что-то тёмное. Тимофей коснулся одного стебля — и по пальцам пробежал холодок.

— Я не знаю, где главный, — сказал он.

— Знаешь, — тихо ответил Садовник. — Просто боишься признаться.

Тимофей закрыл глаза. В памяти всплыло: папа, уезжая, говорит: «Вернусь на следующей неделе». Потом звонок: «Задерживаюсь ещё на три дня». Потом ещё звонок. Потом тишина.

День рождения. Ему девять лет. Мама печёт торт, но не радуется. Папа не приехал. Прислал деньги. Тимофей не плакал при маме. Он заперся в ванной, разорвал фотографию, где они с папой на карусели, и спустил клочки в унитаз. А потом долго сидел на полу, и вода в бачке шумела долго, как будто море.

— За что ты обижен? — спросил Садовник, но Тимофей уже знал.

— За то, что он не приехал, — сказал он. — За то, что он выбрал работу. За то, что меня было недостаточно.

Сорняк дрогнул. Самый толстый стебель, идущий от основания к качелям, зашевелился.

— Вот он, — сказал Садовник. — Режь.

Тимофей взял ножницы обеими руками. Стебель был твёрдый, как проволока. Он сжал лезвия — медленно, чувствуя, как металл входит в плоть растения. Раздался звук, похожий на треск разрываемой бумаги. Стебель упал на землю и рассыпался в пыль. За ним начали осыпаться остальные — чёрные стебли, листья-кулаки, тёмно-красные ягоды. Всё таяло, как дым.

Через минуту остались только качели — чистые, новенькие, слегка покачивающиеся.

Тимофей выдохнул. По щекам текли слёзы. Он не заметил, когда начал плакать.

— Теперь полейте, — сказал Садовник, протягивая лейку. Вода светила.

Тимофей наклонил лейку над пустым местом. Капли упали на землю. Проклюнулся росток — зелёный, с серебристыми прожилками. Вырос небольшой куст. На нём распустился один-единственный цветок — белый, пятилепестковый.

Жасмин.

— Это уже не прощание, — сказал Садовник. — Это прощение. Оно пахнет так же, но вкус другой.

Тимофей смотрел на цветок. Внутри что-то расправилось, как смятая бумага, разглаженная тёплой ладонью.

— А папа вернётся? — спросил он.

— Не знаю. Сад не предсказывает. Сад отражает.

— А что будет, если я снова обижусь?

— Снова вырастет сорняк. Но теперь ты знаешь, как с ним быть. И помни: сад не ищет. Сад находят.

Тимофей кивнул. Дверь стояла неподалёку. Он шагнул в неё и оказался на пустыре.

Дома его ждал холодный суп и бабушкин снимок. Он взял его, долго смотрел на смех, на жасминовые кусты, на качели. Потом положил фотографию в ящик стола, под фонарик.

«Когда всё пахнет жасмином». Теперь он знал, что это значит.

Глава III. О том, как в саду завелась птица, которой не было в природе, и о том, как она умела петь чужим голосом

Прошло две недели. Тимофей больше не ходил на пустырь. Он научился просыпаться и не приюхиваться; научился смотреть в окно и не искать глазами зелёную краску среди ржавых гаражей; научился держать фонарик в ящике стола и не доставать его каждый вечер.

Научился — но не совсем. Иногда, засыпая, он чувствовал запах жасмина — тонкий, как край чужого сна. И тогда он замирал, но запах уходил, оставляя тихую пустоту в груди.

Мама заметила, что он стал спокойнее.

— Ты как будто повзрослел, — сказала она однажды вечером. — Случилось что-то?

— Нет, — сказал Тимофей. — Просто подумал кое о чём.

— О чём же?

— О папе.

Мама села на стул, не снимая куртки.

— И что ты подумал?

— Что он, наверное, не виноват. Ну, не то чтобы не виноват. Просто он не может иначе.

Мама долго смотрела на него. Потом вздохнула:

— Может быть. Но от этого не легче.

— Легче, — тихо ответил Тимофей. — Немного.

Поздно ночью он проснулся от запаха жасмина. На этот раз запах шёл из-за окна. Тимофей подошёл к стеклу и увидел, что пустырь залит светом, хотя луны не было. А в центре пустыря, среди подмёрзшей травы, стояла дверь.

Он оделся быстро. Спустился по лестнице, пересёк двор. Ночь была морозная, изо рта вырывался пар.

Дверь была приоткрыта. Тимофей шагнул в сад.

Он сразу заметил, что сад изменился. Деревья стали ниже, как будто присели, чтобы быть ближе к земле. Трава серебрилась, но теперь в ней были протоптаны дорожки — много дорожек, разбегающихся в разные стороны. А на тропинке, ведущей к качелям, стояла клетка.

Плетёная, лёгкая, но крепкая. Внутри что-то билось — не металось, а именно билось, как маленькое сердце. Тимофей подошёл ближе и увидел птицу.

Оперение — синее с золотыми искрами; крылья — как тончайший пергамент, подсвеченный изнутри. Вместо глаз — две влажные луны. Птица смотрела на Тимофея, и в её взгляде было столько тоски, что у него перехватило дыхание.

— Ты кто? — прошептал он.

Птица открыла клюв и запела.

Это была не трель. Это был голос — человеческий, тихий, до боли знакомый. Голос бабушки.

«Когда всё пахнет жасмином...» — пропела птица, и слова были как светящаяся вода из лейки.

— Бабушка?... — выдохнул Тимофей.

Птица сменила голос. Теперь это был папин — усталый, с хрипотцой, тот самый, каким он говорил по телефону из аэропорта:

«Задерживаюсь. Вернусь не скоро».

Тимофей отшатнулся. Птица продолжала петь голосами — маминым, бабушкиным, папиным, — и все они произносили слова, которые он когда-то слышал и не забыл. Слова висели, как листья, которые не могли опуститься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.